МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

Порок связывается с темой суда, обращение к которой действительно наблюдается в текстах Хармса. Наиболее явно она проявляется в стихотворении «Гнев Бога поразил наш мир» (1938), где ярко описывается Апокалипсис, содержатся явные реминисценции из Откровения Иоанна Богослова.

В заключение отметим, что тема греха в творчестве Хармса порождает сюжеты и мотивы, связанные с выходом из ситуации греха, с преодолением разрыва между землей и небом (полета, молитвы и суда). Проблема греха направляла духовные и мистические поиски Хармса, поэтому ее дальнейшее исследование значимо для выстраивания целостной картины творчества писателя.

Литература

1. Токарев Д.В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 333 с.
2. Хармс Д.И. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Азбука, 2011. Т. 1. 668 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-83

ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ БЕЗ ИСПОВЕДИ В ПОВЕСТИ В. НАБОКОВА «СОГЛЯДАТАЙ»

Назаренко И.И.

Томский государственный университет, магистрант

CONFSSIONAL WITHOUT CONFESSION IN V. NABOKOV'S NOVEL «THE EYE»

Nazarenko I.I.

Tomsk State University, master student

В статье исследуются нарративная организация и семантика сюжета повести В. Набокова «Соглядатай» в аспекте проблемы исповедальности.

Ключевые слова: В. Набоков, «Соглядатай», исповедальность.

In article is researched the narrative organization and semantics of the plot of the V. Nabokov's novel «The Eye» in the aspect of the problem of confessional.

Key words: V. Nabokov, «The Eye», confessional.

Научный руководитель: Т.Л. Рыбальченко, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

В. Набоков не принимал эстетику исповедальности и документальности «младшего» поколения русской эмиграции, но повесть «Соглядатай» (1930), на наш взгляд, внешне близка эстетике

младозмиграции («я»-повествование, изображение эмигрантского мира). В герое повести автор выражает личное восприятие русских эмигрантов. Герой как субъект речи распадается на «я»-нарратора и «я»-персонажа, отделенных друг от друга временной дистанцией. Нарратор прошёл путь персонажа, имеет более широкий кругозор, с иронией оценивает себя как персонажа, ограниченного эмпирическим потоком. Его наррация не адресована высшей инстанции Бога или другому человеку, что выявляет монологизм сознания. Это не исповедь, поскольку нет покаяния, но лирическое самовыражение, в котором есть исповедальность не только в словесном признании и самооценке (в наррации до попытки самоубийства), но прежде всего в констатации актов собственной жизни, в обнаружении их причин и их оценке (основная наррация).

По О.А. Джумайло, сюжет исповеди – «рассказ об открытии боли, вины и стыда, из которых рождается обретающее личностную исключительность “Я” рассказчика» [1. С. 42]. Кризис «я» нарратора-персонажа связан с одиночеством, тупиком в самопознании, подчиненностью обстоятельствам (замужняя Матильда тяготит, но он следует её желаниям), социальной униженностью (работает гувернером в состоятельной семье). К самоубийству его толкает публичное, перед воспитанниками, избиение Кашмариным, мужем Матильды, узнавшим об изменах жены. Герой считает унижение поправимым его человеческого достоинства, фиксирует, как воспитанники наблюдают за его позором. Это важно для объяснения его образа жизни после самоубийства: несмотря на монологизм сознания, всегда остаётся оглядка на воображаемого другого, перед которым герой пытается казаться лучше, чем есть. Значит, по Набокову, лишена искренности и исповедь, обращенная к адресату, и исповедь, обращенная к себе. Разрешение коллизии униженности он видит в самоубийстве, в котором не только отчаяние, но и самосуд, признание неистинности своего существования.

Самоубийство персонажа как основное событие мистифицировано: в первоначальном представлении «я»-персонажа оно удалось, нарратор знает, что не удалось, но убеждает в его успешности. Герой выживает и приходит в себя в больнице, испытывая стыд за то, что оказался несвободен от обстоятельств даже в отказе от жизни. Самоопределение нарратора-персонажа в ситуации выстраивания своей истории как потустороннего существования, сотворенного уцелевшим сознанием после физической гибели. Реальная жизнь происходит в действительности, но в сознании он пытается придать ей характер ирреальной. Он хочет выбросить из сознания унижение и отказывается от

прежнего существования, полагая, что можно сочинить сюжет своей жизни. Послесмертное существование кажется свободным от этических границ, где каждый создан сознанием, а значит, не может причинить боль. Но пересочинение жизни, игра с судьбой, по этике Набокова, невозможна.

После попытки самоубийства в центр повествования выдвигается другой персонаж, Смуров, интересный нарратору. В финале открывается тождественность нарратора-персонажа и Смурова – это одно сознание, а значит, он познавал себя как Другого. Стратегия ненадежного нарратора – мистификация, но наррация соответствует соглядатайству за действительными событиями. Он тянется к семейству незнакомых русских, Хрущовых, где будто бы встречается Смурова, убеждая себя, что это другой. В Смурове, социальной маске, он пытается пересочинить жизнь до самоубийства в рассказах другим персонажам, прежде всего, девушке, которой заинтересовывается – Ване. Цель пересочинения прагматическая – заинтересовать, но и желание самоутвердиться. Подавленные желания нарратора (жизнь без страха и реализация сочинительских способностей) проявляются в сочиненных романтических образах: 1) офицер-белогвардеец; 2) поэт-изгнанник.

Мухин, антипод Смурова и воплощение неуправляемой реальности, уличает героя во лжи, разрушая мистификацию. Смурову удаётся заинтересовать Ваню, но не соединиться с ней, собирающейся выйти за Мухина. Неудачу с Ваней Смуров компенсирует соблазнением горничной Хрущовых. Реальность разрушает и этот образ Смурова, когда Хрущовы увольняют горничную. Позиция «соглядатая» позволяет нарратору не выражать страдание от провала мистификации. Одновременно нарратор познаёт себя в поиске смуровского отражения, пытаясь добраться до своей сущности в оценках Смурова другими персонажами. Но открывается нецелостность человека: в разных сознаниях либо отражаются грани личности, либо отражения оказываются искаженными воспринимающим сознанием. Это редуцирует исповедь, поскольку в ней лишь то, что человек сам может о себе сказать.

Крах иллюзий нарратора-персонажа связан с разрушением его потусторонности неотменимой реальностью. «Я»-персонаж по-прежнему желает обладать Ваней и признается ей в чувствах. Персонаж открывает свой (смуровский) образ в сознании Вани: добрый человек с поэтическим

воображением. Он клеветает на Мухина, создаёт перед Ваней перспективу их счастья, но если воздействовать на реальность мистификацией можно, то подчинить нельзя. Ваня отвергает героя, несмотря на унижения и мольбы. Герой терпит окончательное поражение перед Мухиным, который считает его негодяем. Неподвластность Вани доказывает негибель «я»-персонажу. Ему страшно возвращаться в несвободную реальность. В комнате, где он пытался совершить самоубийство, он убеждается в своей гибели следом от пули в стене, что придаёт уверенности и храбрости. Неудача в любви компенсируется восстановлением достоинства и социальным успехом: Кашмарин просит прощения, обещает работу.

В этом самооправдание героя, принятие себя неидеального, поскольку окружающие тоже неидеальны. Нарратор-персонаж завершает акт самопознания, сложив адекватные образы, с которыми соглашается: *«пошловат»* (самооценка); *«подловат»* (оценка Мухина), *«моего литературного дара»* [2. С. 93] (оценка Вани). Знание о творческих способностях примиряет с неидеальностью. Но в отказе от «я», от переживаний неподлинного существования нравственная деградация.

Нарратор принимает существование соглядатая чужих жизней и своей как чужой, чтобы избежать новых страданий. В заверениях в том, что такое существование – счастье, оглядка на другого. Это неприятие человеческого суда, вызов непонимающему и несострадающему миру, но не уверенность в обретенной позиции, а понимание её уязвимости, неотменимости реальности и других.

Литература

1. Джумайло О.А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг. : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 395 с.
2. Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2006. Т. 3. 848 с.